

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

Небудущее

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 48

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Березин В.

Б 48 Небудущее : роман / Владимир Березин. —
СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. —
640 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-30632-5

В некоторых языках, у австралийских племён и народов Севера, существует грамматическое время «небудущее». Мистика происходит «сейчас» и «уже», а вот будущее далеко и неопределённо. Чудо живёт в настоящем, которое только притворяется будущим. Герои Владимира Березина, знакомые по «СНТ» и «Пентаграмме Осавиахима», во главе с Владимиром Раевским видят преобразённое настоящее, расходящееся, как тропки в саду Борхеса. Это мир, в котором победили не большевики, а толстовцы; кофе запрещён как наркотик. Среди северной равнины стоит бетонный волк, а в тихой городской воде живёт Царь рыб, смерть приходит к шахматистам, требуя доиграть старую партию, а гармонист спасает человечество от безумных идей страшного карлика. За всем этим отрешённо наблюдает со своего постаменту бронзовый Розенталь. Возможно, то, что сегодня выглядит диковиной и фантастическим допущением, уже завтра окажется обыденной реальностью. Ведь таков великий закон писателей-демиургов, да и подобные превращения мы видели уже не раз...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© В. С. Березин, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30632-5

(экзамен по русскому)

Иные удивлялись чистоте выговора нашего и приятности наречия, воображая прежде, что русский язык есть не что иное, как варварское лепетанье.

*Николай Бестужев.
Записки о Голландии 1815 года*

Поезд пересёк границу города, и за окном мелькнули огромные фортификационные сооружения, оставшиеся ещё с давних водяных войн во время эпидемии.

Мальчик прилип к окну, наблюдая за горящими на солнце куполами и белыми свечами колоколен. Купола двигались медленно, поезд втягивался под мерцающую огнями даже в дневном свете надпись: «Добро пожаловать! Привет репатриантам!»

Мальчику даже захотелось заплакать, когда в поезде вдруг заиграл встречный марш и все купе наполнились ликующими звуками. Он оглянулся на родителей — отец был торжественен и строг. Мать не плакала, лишь глаза её были красными. Видно было, что для неё, русской по крови, это была не просто репатриация, а возвращение.

Они прошли санитарный контроль и получили из рук пограничника временные разрешения на проживание. До этого у мальчика никогда не было документов — этот кружок с микрочипом

был первым (не считая прошения о сдаче экзаменов с трёхмерной фотографией, на которой он вышел жалким и затравленным зверьком).

Их поселили в просторном общежитии, где семья потратила немало времени, чтобы разобратся с хитроумной сантехникой. Родители притихли: казалось, они сразу устали от впечатлений, а мальчика, наоборот, трясло от возбуждения.

До экзамена были ещё сутки, и он пошёл гулять.

Прямо у общежития разбит большой сквер с памятником в центре. Мальчик чуть было не спросил у пробегающего мимо такого же мальчика, кому это памятник, но сам вдруг узнал фигуру. Это был памятник Розенталю. Это был человек-легенда, человек-символ.

Именем Розенталья его последователи-ученики вернули в свои права русский язык, и портреты Розенталья висели в каждой школе города. Книги Розенталья члены запрещённого Московского лингвистического кружка хранили, как священные реликвии, а теперь первоиздания лежали под музейным стеклом.

Розенталь был равновелик Кириллу и Мефодию — те дали миру волшебные буквы, а Розенталь утвердил учение о норме языка и его правилах.

Норма — вот что принёс Розенталь в страну победившего русского языка.

Его портрет присутствовал даже в степной глуши, где жил мальчик. В русской миссионерской школе, стоявшей на вершине одного из курганов, сквозняк трепал портрет Розенталья. Портрет был вырезан из журнала и прибит

гвоздиком к стене класса. Человек с высоким лбом, колыхаясь на стене, будто кивал мальчику, а учительница в это время рассказывала, как члены лингвистического кружка устраивали демонстрации у Президентского дворца. И вот уже восставшие брали власть, а вот принимался новый закон о гражданстве. Начиналась новая эра — и отныне всякий, кто говорил по-русски, был русским.

Так в раскалённом котле междоусобиц рождалась новая нация.

Мало было говорить по-русски, нужно было говорить по-русски правильно. Чем правильнее ты говорил, тем лучшим русским ты был.

И если ты по-настоящему знал язык, то рано или поздно ты приходил на древнюю площадь древнего города, и там, под памятником Кириллу и Мефодию, тебя возводили в гражданство Третьего Рима. Не важно было, какой у тебя цвет кожи, стар ты или молод, богат или беден: если ты сдавал экзамен, то становился гражданином. Ты мог выучить язык в тюрьме или среди полярных скал, в полуразрушенных аудиториях Оксфорда или в собственном поместье — не важно, шанс был у всех.

Мальчик шёл по улицам города своей мечты — он пока ещё боялся пользоваться общественным транспортом. Здесь всё было не похоже на те места, где он родился. А там сейчас, наверное, вспоминают о них — в деревне около заглохших ключей, где дремлет вода. Старики пьют вино и играют в кости и с недоверием переговариваются об их затее. Погонщики-сарматы, сигналиа почём зря, ведут через реку длинный и скучный обоз. В гавань, к развалинам

порта, причаливают шхуны, неизвестно откуда и неизвестно зачем посетившие этот печальный берег.

Эти места — царство латиницы, хотя об этом знают те, кто научился читать. Старинные вывески с румынскими словами, смысл которых утерян, дребезжат на ветру; латинские буквы можно прочесть на номерах ржавых автомобилей, что выросли в землю на улицах, где трава пробивалась сквозь асфальт.

Мальчику рассказывали, что в те времена, когда с севера шли беженцы, спасаясь от эпидемии, здесь было не протолкнуться, но он не очень верил в сказки стариков. Дедушка Эмиреску вообще говорил, что купил бабушку за корзину помидоров. Больную девушку просто спихнули с телеги ему под ноги...

Погружённый в воспоминания, мальчик вышел на площадь с обязательной статуей. Там он увидел стайку девочек — их наряды казались мальчику сказочными, словно платья фей. Девочки сговаривались о встрече, и он слышал, как одна, уже убегая, крикнула: «Под Дитмаром, в семь!..»

Мальчик догадался, что имеется в виду какой-то из бесчисленных памятников Розенталю, и неприятно поразился. Ему никогда не пришло бы в голову назвать великого Розенталя просто Дитмаром. Что это за фамильярность? Но он сразу же простил этих волшебных созданий, потому что в этом городе всё должно быть прекрасным, а если ему кажется, что что-то не так, то, значит, он просто пока не разобрался.

После недолгих размышлений мальчик пошёл в музей — разумеется, в Музей военной истории. Он не так удивился системам защиты периметра, что спасали город от внешней

опасности, как тому, что в одном из залов увидел дробовой зенитный пулемёт, из которого расстреливали стаи птиц во время эпидемии птичьего гриппа. Точно такой же пулемёт стоял на окраине их деревни — только разбитый и ржавый. Однажды дедушка Эмиреску залез на место стрелка и попытался дать залп, но один из ржавых кривых стволов разорвало, и дедушка навсегда приобрёл кличку Корноухий. Кличку дала бабушка, и, стоя посреди двора, подперев бока руками, долго кричала, объясняя деду незнакомое русское слово.

Мальчик шёл по пустым залам музея — здесь никому не была интересна консервированная война. Город жил своей хлопотливой жизнью, подрагивали стёкла от движения транспорта, и мальчик думал, что вот он здесь свой, этот город — его город.

Осталось только сдать экзамен.

К этому он готовился долгих два года. По вечерам после работы отец тоже читал книжки Розенталя, и мать вслед за ним обновляла свой русский, следуя учебникам из миссионерской школы.

Мальчик учил свод законов Розенталя наизусть. Память мгновенно вбирала в себя оттенки словоупотребления, грамматические правила и исключения, а мальчик только дивился прекрасной сложности этого языка. Мать улыбалась, когда он хвастался ей диктантами без единой ошибки.

Собственно, с диктанта и начинался экзамен на гражданство, а по сути — экзамен по русскому языку.

В документах просто писали «экзамен» — и сразу было понятно, о чём речь. В разрешении на трёхдневное пребывание было сказано:

«...для сдачи экзамена», и пограничники понимающе кивали головой.

Сначала диктант, через час — сочинение, и наконец, на второй день, — русский устный.

Ходили слухи, что в зависимости от результатов экзамена новым гражданам выписывают тайные отметки, ставят специальные баллы, которые потом определяют положение в обществе. Мальчик не верил слухам, да и что им было верить, когда во всех справочниках было написано, что оценок всего две — «сдал» и «не сдал».

Наутро они вместе отправились на экзамен. Взрослых пригласили в отдельный зал, и на всякий случай семья простилась до вечера.

Диктант оказался на удивление лёгким. Лоб мальчика даже покрылся мелкими бисеринами пота от усердия, когда он старательно выписывал буквы так, как они выглядели в старинных прописях, — учительница в миссии предупреждала, что это необязательно, но ему хотелось доказать свою преданность языку.

Потом он выбрал тему сочинения, — впрочем, выбор произошёл мгновенно. Ещё пару месяцев назад, репетируя экзамен, он написал несколько десятков текстов, и теперь что-то из них можно было просто подогнать под объявленное.

Он решил писать об истории. «Отчего нашу Москву называют Третьим Римом» — горела надпись на табло в торце аудитории. Эта тема значилась последней и, стало быть, самой сложной.

И он принялся писать.

Хотя он тысячи раз представлял себе, как это будет, но всё же забыл про план и черновик и сразу принялся писать набело. Он представ-

лял себе, как в далёком, ныне не существующем городе Пскове, в холодном мраке кельи Спасо-Елизаровского монастыря старец Филофей пишет письма Василию III.

Мальчик старательно вывел заученную давным-давно цитату: «Блюда и внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твоё единое, ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не быть. Уже твоё христианское царство иным не останется».

Неведомая сила водила рукой мальчика, и на бумагу сами собой лились чеканные формулировки на настоящем имперском наречии — то есть на правильном русском языке.

Каждый знающий русский язык чувствовал себя подданным этой империи, и Третий Рим незримо простирался за границы Периметра, за охранные сооружения первого и второго кольца. Его легионы стояли на Днепре и на Волге — среди лесов и пустынь, обезлюдевших после эпидемии. Варвары, сидя в болотах и оврагах, в горах и долинах по краю этого мира, с завистью глядели на империю, частью которой готовился стать мальчик. Иногда варвары заманивали русские легионы в ловушки, и от этого рождались песни — про погибшую в горах центурию всё из того же Пскова и про битву с латинянами под Курском. Но чаще легионы огнём и мечом устанавливали порядок, обучая безъязыких историй.

Мальчик, шурша страницами умирающих книг, пытался сравнить себя то с объевшимися мухоморов берсерками, то с теми римлянами, что пережили свой первый, итальянский Рим и, недоумённо озираясь, разглядывали развалины, среди которых пасутся козы, и прочие следы

былого величия. Он отличался от них одним — великим и могучим русским языком, что был сейчас пропуском в новую жизнь.

Семья встретилась у выхода и вместе вернулась домой. Отец был хмур и тревожен, а мать непривычно весела. Мальчик подумал, что им нелегко даётся экзамен. Сам он перед сном прочитал одну главу из Розенталя наугад, просто так — зная, что перед смертью не надышишься, а перед экзаменом не научишься, и быстро уснул.

В темноте он ещё слышал, как мать подходила к кровати и поправляла ему одеяло.

Сны были быстры и радостны, но, проснувшись, он тут же забыл их навсегда.

Устный экзамен был самым сложным; получив билет, мальчик понял, что два вопроса он знает отлично, один — про древнего академика Щербу и его глокую куздру — хорошо (он с ужасом понял, что не помнит, как ставить ударение в фамилии учёного, и решил подготовить речь, почти не упоминая этой фамилии). Это, собственно, было несложно: «Великий учёный предложил нам...»

Дальше ему выпал рассказ о сакраментальном «одеть» и «надеть» — знаменитый спор, приведший к расколу в рядах лингвистического кружка. За ним последовали битвы за букву «ё», окончившиеся высылкой, а затем и ликвидацией печально знаменитого оппортуниста Лейбова. Мальчик помнил несколько параграфов учебника, посвящённых этой необходимой тогда жестокости. Но возвращение идеального языка и должно было быть связанным с жертвами.

Дальше шло несколько практических задач — и вот среди них он затруднился с двумя. Это были задачи о согласовании в одной фразе и о правильном употреблении обращения «вы» — с прописной и строчной букв.

Определённо, он помнил это место у Розенталя, помнил даже фактуру бумаги, то, что внизу страницы была сноска, но вот полный список никак не возникал у него в памяти.

Он молился и всё был уже готов отдать за это знание, и вдруг оно выскочило словно чёртик из коробочки в старинной игрушке, что хранил дед Эмиреску в комодке.

Кто-то наверху, в небесной выси, принял его неназванную жертву, и ему не задали ни одного дополнительного вопроса.

Он разговаривал с экзаменаторами, поневоле наслаждаясь своим правильным, по-настоящему нормативным языком.

«Назонов» — старинной перьевой ручкой вписал секретарь его фамилию в какой-то специальный лист бумаги. Комиссия не скрывала, что экзамен он сдал, хотя такое полагалось объявлять только после ответа последнего экзаменующегося.

Он отправился шататься по улицам. Счастье билось где-то в районе горла, как пойманная птица, и было трудно дышать.

Мальчик даже не сразу нашёл общежитие — так преобразился город в его глазах. Солнце валилось за горизонт, и стоящий в розовых лучах памятник Розенталю, казалось, приветствовал мальчика.

Он рассказал отцу о своей победе, и отец, как оказалось сдавший хуже, но тоже успешно, обнял его — кажется, второй раз в жизни. Первый

был шесть лет назад, когда еле живого мальчика вытащили из Истра, уже вдосталь наглотававшегося стилой весенней воды.

Отец обнял его и сразу отстранился:

— Послушай, у нас проблема. Мама...

Мальчик не сразу понял — что могло быть с мамой?

— Она не прошла. Не сдала.

— К-как?!

Это было чувство обиды — случилось что-то несправедливое, и что теперь с этим делать?

— Почему?! Она мало учила? Она плохо выучила, да?

— Так вышло, сынок. Никто не виноват. Не обижай маму, она всё, всю жизнь отдала нам.

— А не надо было всё, зачем нам это всё? Надо, чтобы она была с нами, надо... — Мальчик заплакал. — Это она виновата, она!

Отец молчал.

Наконец мальчик поднял глаза и спросил неуверенно:

— Что же теперь будет?

— Мы остаёмся тут, мы с тобой. Я говорил с мамой, и она считает, что мы должны остаться. У тебя очень хорошие перспективы. Тебе нельзя упускать этого шанса. Мама тоже так считает.

Мальчик стоял неподвижно, а мир вокруг него завертелся. Мир вращался всё быстрее и быстрее, точно так же как мысли в голове. «Но ведь она же русская, русская, вот отец — молдаванин, и теперь их примут в гражданство, а она всегда была русская, её все в деревне так и звали „русская“, и бабушку, когда она была маленькой, дразнили „русской“, потому что она, купленная за помидоры, осела там с первой волной

беженцев сразу после начала эпидемии. А вот теперь мама не сдала экзамен, но ведь её обязательно надо принять. Ведь она своя, она русская». Но металлический голос внутри его головы равнодушно отвечал: «Она не сдала экзамен». Кому могла помешать его мать в этом городе, на их Родине?..

Мальчик вошёл к маме. Нет, она не плакала, хотя глаза были красные. Но вот что неприятно поразило мальчика — её руки.

Мать не знала, куда деть руки. Они шевелились у неё на коленях, огромные, красные, с большими, чуть распухшими в суставах пальцами.

Он не мог отвести от них глаз и молчал.

А потом, так и не произнеся ни слова, ушёл в свою комнату.

На следующий день они провожали её на вокзале — разрешение на пребывание кончалось на закате. Счёт дней по заходу солнца был архаикой, сохранившейся со времён Московского каганата, но он не противоречил законам о русском языке, и его оставили.

Теперь на вокзале уже не было лозунгов, не играла музыка, только лязгало и скрипело на дальних путях какое-то самостоятельно живущее железо, приподнимались и падали вниз лапы автоматических кранов.

Они как-то потеряли дар речи, в этот день русский язык покинул их, и семья общалась прикосновениями.

Мать зашла в пустой вагон, помотала головой в ответ на движение отца: «Нет-нет, не заходите». Но отец всё же втащил в тамбур два баула с подарками — это были подарки, похожие на

те, что мальчик находил в курганах рядом с мёртвыми кочевниками. Чтобы в долгом странствии по ту сторону мира им не было скучно, рядом с мертвецами, превратившимися в прах, лежали железные лошадки и оружие, посуда и кувшины. Мама уезжала, и подарки были не утешением, а скорбным напоминанием. Столько всего было недосказано и не будет сказано никогда.

Мальчик понимал, что боль со временем только усилится, но что-то важное было уже навсегда решено. Потом он будет подыскивать оправдания и, наверное, годы спустя достигнет в этом совершенства — но это годы спустя, потом.

Поезд пискнул своей электронной начинкой, двери герметично закрылись и разделили отъезжающих и остающихся.

Выйдя из здания вокзала, отец и сын почувствовали нарастающее одиночество — они были одни в этом огромном пустом городе, как два подлежащих без сказуемого. Никто не думал о них, никто не знал о них ничего.

Только Дитмар Розенталь на вокзальной площади на всякий случай протягивал им со своего постамента бронзовую книгу.

(чёрный кофе)

Кофе есть весьма обыкновенное питьё,
даёмое и детям.

*О воспитании
и наставлении детей (1783)*

— Будете кофе? — Официантка наклонилась к самому уху старика.

Он поднял на неё белые выцветшие глаза и дёрнул плечом. Официантка ненавидела его в этот момент — придётся потратить полчаса, чтобы понять, чего он хочет. Старик приходил каждое утро и заказывал одно и то же: кофе с рогаликом или булочкой. То с рогаликом, то с булочкой. Но что сегодня... И она повторила ещё раз:

— Кофе?

Старик чётко выговорил слова, будто диктор учебного фильма:

— Кофе-малый, вместо рогалика коньяк на два пальца.

Коньяк он мог себе позволить, хотя пил всего два раза в год. Один раз — на День поминовения павших, а второй сегодня, в День милиции. Много лет, как не было никакой милиции, его товарищи давно превратились в пепел, всё переменялось.

И повсюду был кофе, вкус которого он узнал раньше многих. Теперь его можно было попробовать в любой забегаловке — но он застал иные времена.

Кофе он попробовал лет сорок назад.

Бронетранспортёр фыркнул, дёрнулся и рванул по проспекту, набирая скорость. Двадцать горошин бились в железном стручке, двадцать голов в сферических шлемах качались из стороны в сторону.

Рашида (тогда его никто ещё не звал Ахметханом) взяли на задание впервые. Все смотрят на тебя как на чужака, все глядят на тебя как на недомерка, ты ничей и никчёмн — это было всего через месяц после натурализации. И поэтому лучше было умереть, чем совершить ошибку.

Грохотал двигатель — тогда на технике стояли ещё дизельные движки, электричество было дорого, — и вот Рашид слушал рёв, обнимал штурмовую винтовку, как девушку, стучал своей головой в шлеме о броню.

— Сейчас, сейчас. — Сержант положил ему руку на плечо. — Сейчас, готовься. Не дрейфь, парень.

Бронетранспортёр ссыпал на углу двух загонщиков, ещё двое побежали к другому концу улицы. Слева переулок, справа забор, впереди одноэтажный шалман. Машина взревела, окуталась сладким дымом и ударила острым носом в стальную неприметную дверь. Отъехала и снова ударила.

Дверь прогнулась и выпала из косяка — туда, в пыль, прыгнули первые бойцы социального обеспечения. Вскипел и оборвался женский крик. Ударили два выстрела. Рашид бежал со всеми, стараясь не споткнуться, — опаздывать нельзя, он молод, он самый младший, и он только что натурализован.

Ему нельзя опоздать.

Коридор был пуст — только два охранника, скорчившись и прижав колени к груди, лежали около развороченного проёма.

В ухо тяжело дышал сержант, резал плечо ремень винтовки.

Группа вышибала двери, проверяла комнаты и наконец уткнулась в новую стальную преграду. Скатали пластиковую колбаску, подожгли — и эта дверь, вынесенная взрывом, рухнула внутрь.

Сопротивления уже не было. Трое в комнате подняли руки, четвёртая — женщина — билась в истерике на полу.

На столе перед ними было то, за чем пришли бойцы. Ради этого несколько месяцев плели паутину капитаны и майоры, ради чего сержант мучил Рашида весь этот месяц.

В аккуратных пластиковых пакетах лежал коричневый порошок. Сержант наколол один из пакетов штык-ножом.

— Запомни, парень, — это и есть настоящий кофе. Лизни давай.

Рашид послушно лизнул — на языке осталась горечь.

— Противный вкус.

— Ну так без воды его никто не принимает.

И горький вкус остался на языке Рашида навсегда.

Прошло много лет.

Он видел много кофейных притонов — он видел, как в развалинах на юге города нищие наркоманы кипятят кофейный порошок на перевёрнутом утюге. Он видел, как изнеженные юнцы в дорогих клубах удаляются в туалет, чтобы в специальном окошке получить от дилера стакан кофе.

Потом картинка менялась — юнцы сначала хамили, потом сдавали друзей и приятелей, потом и в розницу торгуя их фамилиями. Потом за ними приезжал длинный, как такса, электрокар с тонированными стёклами. Дело закрывали, а менее хамоватые и менее благородные посетители клубов отправлялись на кабельные работы.

Нищие кофеманы обычно молчали — терять им было нечего.

Коричневая смерть — вот что ненавидел Рашид Ахмет-хан. Тогда его ещё звали так, ещё год — и он сменит имя, он станет полноправным гражданином Третьего Рима. И никто не попрекнёт его происхождением.

А происхождение мешало, особенно на службе в Министерстве социального обеспечения. Кофе давно звали мусульманским вином.

Это был яд, который приходил с юга: там, на тайных плантациях, зрели зёрна. Там кофе сортировали, жарили и мололи.

На подпольных заводах стояли рядами кофемолки, перетирая кофе в коричневую пыль и удваивая его стоимость.

С юга текли коричневые контрабандные ручьи — вакуумным способом пакованные брикеты кофе перекидывали через границу с помощью примитивных катапульт, переправляли специальными воздушными шарами.

И каждый метр на этом пути всё более увеличивал стоимость коричневой смерти. Смерть двигалась к северу, запаянная в целлофан, будто в саван.

Человек не мог пройти через границу — умные мины превращали курьера в перетёртое мясо без взрыва. Но поток с юга, казалось, не нуждался в людях. Люди появлялись потом, ко-

гда возникали потребители, когда перекупщики сменялись покупателями.

Банды кофейников с окраин сходились на сборища, назначали своих смотрящих, выставляли дозоры. На любое движение сил Министерства социального обеспечения они отвечали своим незаметным, но действенным движением.

Ахмет-хан хорошо знал историю коричневого порошка. Для него он был навсегда связан с рабством — везде, где был кофе в старом мире, там плантация была залита потом и кровью раба. Миллионы работников, имен которых он никогда не знал и в правильности национальности которых можно было усомниться, положили свою жизнь за кофе. И вот это Ахмет-хан знал очень хорошо.

Коричневый бизнес был неистребим.

Не так давно начальство сообщило им, трудягам нижнего звена, что пришла новая эра.

Оказалось, что три студента-химика успешно выделили из кофейного суслу экстракт, который не нужно никуда возить. Они, повторив чикагский эксперимент Сатори Като, научились экстрагировать из кофе главную составляющую — белые кристаллы.

Один студент тут же погиб, попробовав продукт и по недоразумению превысив дозу. Двое других умерли через два дня при невыясненных обстоятельствах.

Но факт оставался фактом — теперь все жили по-новому.

Уходило старое время подпольных кофейен. Уходит время аромата и запаха, споров о том, нужен ли сахарный порошок, и если да — сколько его положить в кофейник.

Время ушло, и бандиты старого образца уступали место промышленной корпорации. Кофе-

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БЕРЕЗИН
НЕБУДУЩЕЕ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Фёдорова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.01.2026.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 29,8. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®.	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01	Тел. (495) 933-76-01
Факс (495) 933-76-19	Факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-39820-01-R